

Таотэ быстро вошёл в комнату, неся таз с горячей водой. Разыскал тот самый маленький плоский тазик, в котором обычно купал малыша, разбавил воду до нужной температуры и поставил перед Якобом.

— Снимай одежду, я тебя помою. — Таотэ засучил рукава, уселся за стол и приготовился к делу.

Якоба нужно было вымыть с головы до пят — тщательно, не пропустив ни одного уголка — и заодно постирать снятую одежду вместе со звериной шкуркой.

Таотэ был готов. Якоб — нет. Маленький человечек юркнул за блюдо и затаился за ним.

Над краем торчали только два глаза и половина лба — оба глаза внимательно смотрели на Таотэ с той стороны.

— Что случилось? Иди купаться. — Таотэ не понял.

— Я... я сам. — Якоб обхватил блюдо обеими руками.

— Сам? — Таотэ опешил. Он всегда купал малыша сам — и раньше тот никогда не возражал. Что на него нашло?

Да и он же прекрасно знает, что Якоб боится воды. Как тот собирается купаться в одиночку?

— Сам. — Якоб кивнул, и маленькая голова качнулась.

— Я... — Таотэ хотел было возразить, но слова застряли на полпути. — Ладно. Мой сам, я не трону тебя.

Он откинулся назад и просто стал наблюдать.

Малыш по-прежнему не двигался с места — прятался за блюдом, поджав голову, точь-в-точь пугливый мышонок.

— Ну, мойся. Я не подойду.

— Я... я сам... — Якоб завозился. — Ты... ты не смотри. Нельзя смотреть.

Таотэ опешил.

Что ещё за странности? Они столько раз купались вместе — и вдруг этот внезапный каприз откуда ни возьмись. А совсем недавно кто-то тут носился по комнате нагишом без малейшего смущения, а?

Но вся буря внутри улеглась в одно короткое слово:

— Почему?

— По-по-потому что... я... — Якоб за блюдом ёрзал и дёргался, явно волнуясь о чём-то.

Таотэ нахмурился — и в следующий миг рука метнулась вперёд молниеносно, сжав малыша в ладони.

— Ты ранен?

Другого объяснения просто не было.

Не теряя времени, Таотэ принялся стаскивать с него одежду. Якоб опомнился и рванулся изо всех сил, пытаясь протиснуться между пальцами.

— Отпусти! Отпусти меня!..

— Не дёргайся. Сломаю руку-ногу — не жалуйся. — Таотэ поджал губы, двумя пальцами осторожно поднял малыша в воздух и принялся раздевать его насильно.

Якоб вертелся и уворачивался — но висел на весу, бежать было некуда. Звериная шкурка слетела с него легко и быстро.

И Таотэ замер.

Якоб воспользовался заминкой — вырвался, засеменял маленькими ножками по столу — топ-топ — и босиком снова юркнул за блюдо.

Теперь из-за края торчали только зрачки — и они сверлили Таотэ в упор.

— Что это такое. — В голосе Таотэ прозвучало лёгкое раздражение.

Когда он срывал с малыша одежду, успел заметить: всё тело Якоба — от ягодиц до живота —

усыпано мелкими красными точками.

Одного взгляда было достаточно. Воспаление.

Откуда — непонятно. Но Якобу точно было не по себе.

И кроме того...

— Иди сюда. — Голос Таотэ стал холоднее.

Якоб вжался назад, прикрыл попу ладошками и попытался спрятаться пониже.

Таотэ не дал ему этой возможности. Большой и указательный пальцы подцепили краешек одежды — малыш снова повис в воздухе.

— Таотэ, отпусти!

На этот раз Таотэ действовал ещё быстрее. В несколько движений верхняя рубашка полетела на стол.

Так и есть. Спина тоже в красных точках. Правда, на туловище поменьше — кое-что на спине и руках, остальное пока держалось.

— Что это такое! — Таотэ ощутил нарастающее беспокойство. Он не понимал, как это вообще возможно.

Он никогда раньше не заботился о Якобе. Не знал, как устроено его маленькое тело. Такое же, как у него самого? Или совсем другое?

Всё это оставалось для Таотэ загадкой. Поэтому, видя что-то неладное с малышом, он мог лишь растерянно спрашивать.

— Ничего. — Якоб то зажимал ладошками красные пятна на животе, то пытался прикрыть попу — но рук на всё не хватало.

Без одежды стало холодно. Малыш тихонько чихнул.

Таотэ уставился на одежду, брошенную на столе.

Неужели в ней всё дело?

Раньше, пока Якоб ходил без одежды, — всё было хорошо. Стоило надеть — и вот это. Значит, действительно она?

Таотэ взял сшитую своими руками маленькую рубашку, принялся разглядывать её на ладони — и ничего не понял.

Что вообще произошло?

— Якоб, тебе было неудобно в одежде? — Таотэ впился взглядом в лицо малыша.

Якоб потрогал зудящие высыпания на коже. Вид у него был обиженный — но он не плакал.

Чуть склонив голову набок, малыш долго подбирал слова.

— Одежда, которую сделал Таотэ, очень хорошая. Но... жёсткая.

Он осторожно следил за выражением лица Таотэ. Заметив нахмурившиеся брови, тут же подбежал к его руке, погладил тыльную сторону ладони и торопливо добавил:

— Но очень тёплая. Одежда Таотэ.

Значит, всё-таки дело в одежде.

— Когда это началось? — спросил Таотэ.

Якоб промолчал. Только покосился на него украдкой и опустил взгляд на собственные маленькие ножки.

Таотэ нахмурился. Похоже, малышу стало неудобно с первой же минуты — просто он ничего не сказал.

Маленький, а сложный. Сколько всего держит в этой крошечной голове, сколько мыслей там кружится.

Поневоле начнёшь относиться к нему как к ребёнку — но это ошибка. Как ни мал Якоб, он всё-таки генерал. А генералы наивными не бывают.

Таотэ отложил одежду в сторону, осторожно поднял малыша и опустил его в тёплую воду. Одну руку протянул — Якоб вцепился в его палец — другой принялся тихонько мыть маленькое тело.

— Больше не наденет. — Таотэ произнёс это с лёгкой досадой на самого себя.

Как он вообще не подумал об этом? Якоб такой крошечный — шкурка прыгающего кролика, которая и самому Таотэ кажется немного жёсткой, для малыша всё равно что броня из железа. Надеть такое на себя и не получить раздражение? Было бы куда удивительнее.

— Ты сердишься? — Якоб сидел в тазике, крепко обхватив обеими руками указательный палец Таотэ — весь напряжённый, но при этом не переставал беспокоиться.

Таотэ сшил для него одежду. Он должен был носить её как следует. Но...

Якоб опустил взгляд на красные высыпания в сгибе локтя. На душе было обидно.

Одежда, которую дал ему Таотэ, — если Таотэ её заберёт, она больше не будет его.

А ведь это Таотэ её подарил. Своими руками сшил.

Пусть и странная немного. Но это же Таотэ сделал...

Якоб надул губки — так, что хоть масло на них вешай.

На глазах уже дрожали слёзы — но при следующих словах Таотэ сами собой высохли.

— Завтра схожу на рынок, поищу шкурку помягче. Найду — сошью тебе новую одежду.

— Правда?! — Якоб восторженно и впился в его палец. Таотэ сошьёт ему новую? Значит, без одежды не оставит?

— Правда. Я же только что обещал тебе больше не врать, или нет?

И тут Якоб расцвёл. Даже про то, что сидит в воде, забыл — улыбка не сходила с лица.

Якоб был счастлив. Таотэ — немного растерян.

Когда малыш был чисто вымыт, Таотэ уложил его на подушку — ту самую, что была только его — и накрыл звериной шкуркой. Не самой мягкой, но пока другой не было.

Убрал со стола тазик, прошёлся по комнате — и в конце концов достал из закров спасительную мазь, которую когда-то купил у врача за немалые деньги.

Подошёл к постели, осторожно извлёк малыша из-под шкурки, выдавил крошечную горошину мази и нанёс по точечке на грудь и на спину.

Мазь была холодная. Свежевымытое тельце от неожиданного прикосновения вздрогнуло.

— Что это? — Якоб потрогал пальцем белое пятнышко на груди, поднёс к носу и понюхал.

<http://bllate.org/book/20392/2140679>